

INSPIRIA

Ли Алам

18+

엘로우레이디

Леди в ЖЕЛТОМ

Когда полиция бессильна,
зовут ее...

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Корея

Ли Алам

Леди в желтом

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.531-0312.4
ББК 84(5Кор)-44

Алам Л.

Леди в желтом / Л. Алам — «Эксмо», 2024 — (Ток.
Национальный бестселлер. Корея)

ISBN 978-5-04-251598-9

Тихую жизнь на острове Тэчхондо в Желтом море нарушает прибытие городской чудачки. Она одевается по европейской моде, постоянно лазает в горы и возится с насекомыми. Мало кто знает, что Хан Кёнэ — энтомолог. И очень скоро ее знания помогают оправдать местного молодого человека в деле об убийстве. Год спустя. В Кёнсоне находят тело задушенной певицы, окруженное роем пчел. На первый взгляд — обычное ограбление. Пропали украшения и деньги. Вот только откуда взялись насекомые? Загадка как раз для Кёнэ. Осмотрев жертву и место преступления, девушка замечает все больше любопытных деталей. Странные раны, явные следы борьбы, которую в доме никто не слышал, но самое главное — пчелы. Преступник определенно принес их с собой, но зачем? Вместе со своим женихом, врачом Ким Тона, девушка пускается по следу убийцы, не подозревая, что это расследование станет самым сложным и опасным в ее жизни.

УДК 821.531-0312.4
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-251598-9

© Алам Л., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ли Алам

Леди в желтом

Yellow Lady ### ##

Lee Alam ###

Copyright © 2024 ### (Lee Alam)

Originally published by Safehouse Inc.

Russian edition is published by arrangement
with Safehouse Inc. through BC Agency, Seoul

© Корнеева И., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Остров Тэчхондо¹. Осень 1936 года

Теплые солнечные лучи уже несколько дней не могли победить затянувшийся дождь. Холодные капли, острые как коготки дикой кошки, и леденящий холод пронизывали до костей. Рыбаки маленького острова Тэчхондо с населением, не превышающим и тысячи человек, были заняты подготовкой к зиме.

Пока взрослые работали в порту, дети играли на пустыре с южной стороны, откуда еще не ушло тепло солнечных лучей. В отличие от своих сверстников, проживающих на материке, коим выпала возможность иногда посещать школу благодаря стараниям миссионеров или получивших университетское образование взрослых, для детей острова, которых можно было по пальцам пересчитать, подобное представлялось чем-то очень далеким и нереальным.

Юные островитяне не знали, что такое чтение книг, и сутки напролет проводили время, гоняя по лесам или играя группами по три-пять человек. Иногда помогали чинить рыболовные сети. Однообразная жизнь – тихая и спокойная, как чашка теплого чая, когда один день похож на другой, а все серьезные мировые дела обсуждаются исключительно взрослыми.

Однако с некоторых пор привычный уклад жизни детей острова сильно изменился. Причиной тому стала незнакомка, прибывшая на лодке с материка. Облаченная в европейский костюм, она привезла с собой целую стопку книг. Девушка остановилась в доме старушки Хван и часто бродила по окрестным полям и лесам.

Каждый раз, убегая на этом маленьком, казалось, размером с ладонь, острове к ручью, где днем можно было поспать в каком-нибудь укромном месте, побегать по оврагам или поиграть в салки, дети встречали эту таинственную незнакомку. Она носила странную прическу в виде конского хвоста на макушке и широкие брюки, напоминающие мужские, что заставляло местных бабушек неодобрительно перешептываться ей вслед. Но и это было еще не все. Девушка часто поднималась в горы. На голове у нее была плоская шляпа, за плечами – какой-то деревянный ящик, а в руке она держала палку, к которой было привязано что-то, очень напоминающее часть рыболовной сетки.

– Она точно сумасшедшая.

Так говорила заводила местной детворы, девочка по имени Сокчу. В прошлом году весной ей исполнилось тринадцать. Ее отец работал в японской китобойной компании, благодаря чему семья не бедствовала.

– Она не могла сама сюда приехать. Ее выгнали из дома и сослали на этот остров.

Но для сумасшедшей изгнанницы девушка выглядела слишком хорошо. Наручные часы, цепочка и множество других дорогих вещей, стиль одежды, непривычный для местных, но как с иголочки. Если приглядеться, на ней был аккуратный европейский костюм для активного отдыха и красивый макияж, как у современных городских девушек в кино. Взрослые считали девушку элитой, ссылаясь на то, что она из очень богатой семьи и даже за границей училась.

Старожилы острова без стеснения показывали на нее пальцем и обсуждали все недостатки, когда девушка посреди дня шла по улице, широко шагая в мужских брюках, шляпе и с сачком в руках. Постепенно в душах детей любопытство победило неприятие к незнакомке. Но это вовсе не означало, что они могли запросто остановить ее и спросить, чем она здесь занимается и зачем приехала. К счастью, у девушки была юная спутница. Девочка по имени Окхва.

¹ Остров в Желтом море, близ которого проходит Северная разграничительная линия, отделяющая территорию КНДР от территории Республики Корея.

Местная детвора считала ее типичной столичной воображалой. Она была одета как школьница – черная юбка и белая блуза в традиционном стиле, а на поясе украшения, сплетенные из тесьмы. У нее были две пары обуви, которые она носила по очереди: европейские туфли и корейские традиционные резиновые *комусин*². Европейская пара из черной кожи на каблуках была очень похожа на обувь ее наставницы.

Окхва довольно быстро нашла общий язык с жителями острова. Она, словно птичка, порхала по деревне и тараторила без умолку. Все знали, что в этом году ей исполняется двенадцать лет и весной она собирается поступать в столичную школу для девочек. Быстро разнеслась и новость о том, что помощницей к этой приезжей даме ее пристроили дядя и тетя, у которых в Пусане было свое дело. Но местную детвору интересовала не столько Окхва, сколько эта городская чудачка. Поэтому однажды будущую школьницу позвали на разговор.

– Кто эта женщина, с которой ты постоянно ходишь? – начала девочка по имени Сорэ, младшая дочь в семье хозяина масляной лавки.

Окхва огляделась, округлив от удивления глаза, будто ее заинтересовал вопрос, и ответила:

– Вы ради этого меня сюда позвали?

– Да. Она твоя сестра?

Окхва рассмеялась.

– Сестра? Разве мы похожи? Нет, она мне не сестра. Она моя наставница.

– Наставница?

– Наши родственники знают друг друга. Она учится в Америке, а сейчас вернулась в Чосон³. Пока она здесь, я буду ее сопровождать. Это поможет мне расширить кругозор, а потом она подготовит меня к вступительным экзаменам в престижную школу для девочек.

Удивление и зависть мелькнули во взгляде Сорэ. Для местных ребят даже поездка в Японию казалась несбыточной мечтой. А тут Америка. Учиться у такого человека...

– Вот это да! Получается, вы вдвоем путешествуете по стране?

– Это не путешествие, а рабочая поездка. Она вернулась в Корею весной и сейчас занимается изучением насекомых, наблюдает за ними и собирает образцы. Она говорит, что на острове другая экосистема, не такая, как на материке, и здесь обитают уникальные экземпляры. Она соберет свою коллекцию и повезет ее обратно в Америку, чтобы показать в университете.

– Изучает жуков? Очень странно, – продолжила растерянно Сорэ.

– Не жуков, а насекомых. Она энтомолог. В Америке она занимается пчелами. В детстве, путешествуя по Европе, она посещала выставки, ходила в музеи, встречалась с учеными и мечтала изучать насекомых. Обучаясь в колледже в Японии, получила приглашение из американского университета и уехала туда. Она столько всего уже выучила, что знает все. Сейчас она занимается со мной японским, естествознанием и английским. Думаю, я точно поступлю в школу для девочек с первого раза.

Окхва рассказывала все это с энтузиазмом, от которого веяло высокомерием. Детвора с завистью слушала ее рассказы, но старалась это не показывать. Они завидовали и незнакомке, которая училась за границей, и девочке, которая говорила о поступлении в школу. Сейчас они стоят рядом и разговаривают, но пройдет буквально год, и их ровесница будет учиться в столице, наполненной удивительными вещами, носить стильные европейские костюмы, вдоволь пить кофе, который островная детвора никогда не пробовала, смотреть фильмы и гулять с одноклассниками по городу.

² Корейская обувь с коротким заостренным носом; напоминает современные балетки, но отличается более твердой формой.

³ Историческое название Республики Корея в период японской оккупации, продлившейся с 1910 по 1945 год.

– Как маленькая – стоит тут и хвастается заслугами другого человека, – прошептала с недовольным видом на ухо подруге Сокчу.

– Что ты сказала?

Увидев разъяренное лицо Окхвы, Сокчу поняла, что шептала слишком громко. Но отступить на глазах у своих товарищей она не могла, поэтому, нахмутив брови, продолжила, пытаясь еще сильнее уколоть собеседницу:

– Чем ты недовольна? Я сказала, что ты хвастаешься чужими заслугами, будто они твои.

– Когда это я хвасталась?

– Была в Европе, училась в Америке... Что это по-твоему? Сама скромность? Она не твоя семья, тебя ей отдали. Получается, ты служанка, а не ученица.

– Нет! Я буду с ней только до тех пор, пока не поступлю в школу. Я же говорила, что меня мама к ней направила учиться.

Сокчу усмехнулась, словно подловила рассказчицу на лжи:

– Послушай! Ты только что говорила, что тебя отправила тетя, а теперь утверждаешь, что мама. Не сходится. Похоже, у вас в семье закончились деньги и тебя продали в служанки.

Окхва дрожала от злости, но не могла возразить ни слова. Уверенная, что выиграла в этом споре, Сокчу заговорила еще громче и увереннее:

– Все, что ты нам тут наговорила, обычное вранье. Уедешь в столицу и поступишь в школу? Да конечно! Тебе повезет, если не станешь кисэн⁴.

Сорэ выдохнула. Окхва поднялась с места.

И тут дорогу им преградил мальчик. Ростом не такой высокий, как Сокчу, но, похоже, самый взрослый в компании. Его старший брат работал в городе, и уже только за это он снискал уважение товарищей. Звали его Инхван.

– Эй, вы двое, хватит уже... – послышался ломающийся голос парнишки. Он злобно посмотрел на Сокчу и продолжил: – Джин Сокчу! Ты должна извиниться...

– Я?... – начала Сокчу, но, поймав на себе гневные взгляды, повернулась к Окхве и извинилась, демонстрируя при этом всем своим видом, что делает это не по собственной воле: – Прости.

Окхва ничего не ответила. На обратном пути в деревню она шла отдельно от общей группы, с силой пиная ногой камни вдоль обочины и не скрывая обиду и злость. Вдруг кто-то позвал ее по имени. Обернувшись, она увидела, что за ней бегут Инхван и Сорэ.

– Как твой друг, я тоже должен извиниться. Прости, пожалуйста! – первым заговорил Инхван.

– Эта Сокчу не думает, что говорит. Не бери в голову, – продолжила Сорэ. Она постаралась улыбнуться и спросила очень по-свойски: – А ты куда идешь?

– Встретиться с наставницей, – выпалила Окхва, давая понять своим видом, что не намерена вести дружескую беседу.

– Это та самая, которая увезет в Америку наших насекомых? А что она там с ними будет делать?

– Не знаю. Наверное, покажет иностранным ученым, которые ничего про них не знают. Там много интересного.

– Это неправильно, – сказал Инхван, сделав серьезное лицо.

Сорэ пыталась жестами намекнуть другу, что не стоит продолжать.

⁴ Артистки, обученные пению, музыке, танцам и ведению бесед с целью развлечения мужчин из высших классов; могли оказывать интимные услуги. Для того чтобы стать кисэн, нужно было пройти обучение в специальной школе. В прежние времена в такие школы девочек могли продать, чтобы поддержать жизнь в бедной семье. Обычно это делали представители особого низкого класса – чхонмин – или разорившиеся свободные люди.

– Мой старший брат по рекомендации одного из миссионеров учился в университете в Кёнсоне⁵, – не обращая внимания на попытки Сорэ, продолжил Инхван. – А сейчас работает в газете и пишет статьи про наш народ. И знаешь, что он говорит? Главная сила корейского народа – это знания. Поэтому все образованные люди должны посвятить свою жизнь просвещению и наставлению других. Правильно воспитанный человек не будет увозить наших насекомых и показывать чужакам.

– Слушай! Иди куда шел, – резко ответила Окхва на раздражающую ее тираду.

– Сейчас очень опасно одной идти вверх по склону – придется идти вместе. Недавно дождь прошел, и земля скользкая.

– Сорэ меня проводит, а ты иди своей дорогой.

– Как я вас двоих отпущу? Вам обоим по двенадцать лет. А если что случится?

Окхва отвернулась и пошла вперед, ускоряя шаг. Инхван молча шел сзади, выдерживая дистанцию.

Подниматься по размытой дождем тропинке было действительно очень сложно. Любой шаг давался с трудом. Окхва так хотела уйти подальше от своего преследователя, что перестала смотреть под ноги и в какой-то момент, уже задыхаясь от усталости, поскользнулась.

– Ой! Окхва, аккуратно!

Сорэ подхватила ее под руку и спасла от падения с крутого склона. Инхван тут же оказался рядом. Вдвоем они помогли ей встать на ноги.

– Ты как? Все в порядке?

Девочка застыла на месте с каменным лицом. И это была реакция вовсе не на поступок ее новых друзей. Взгляд Окхвы был направлен вниз, на густые заросли на склоне холма.

– Вы это видите?

Сорэ посмотрела, куда дрожащим пальцем показывала Окхва, и застонала от ужаса. Инхван застыл на месте. Недалеко от тропинки, по которой они шли, лежал труп пожилого мужчины. Его кожа была синюшного цвета, а глазницы кишели личинками мух. В это же время раздался свисток, и на склоне появились двое представителей японской полиции.

– Эй, ничего не трогайте! – закричал тот, что постарше, и грубо оттолкнул детей.

Он говорил по-корейски, но интонация оставалась японской. Его напарник, в красивой форме с золотыми узорчатыми пуговицами, посмотрел вниз и спросил по-японски:

– Это то, о чем я думаю?

– Да, именно так, – кивнул в ответ тот, что постарше.

– А этот пацан? – Полицейский в мундире с золотыми пуговицами направил свой суровый взгляд на Инхвана.

– Он младший брат главного подозреваемого.

Полицейский нахмурился и продолжил:

– Этого еще не хватало!

– И что нам теперь делать?

Окхва знала японский и могла уловить, о чем говорили полицейские. Сопровождавшие ее ребята стояли как вкопанные, не понимая, что происходит, и лишь смотрели друг на друга глазами, полными страха. Старший по званию в мундире с золотыми пуговицами кивнул подчиненному и сказал:

– Забираем его с собой. Есть у меня опасения, что подозреваемый сегодня покинет остров.

– А эти двое?

⁵ Историческое название Сеула, столицы Южной Кореи, использовавшееся в период японской оккупации.

Окхва, встретившись взглядом с полицейским, машинально съежилась от страха. На самом деле было понятно, что они ему были не нужны. Мужчина отмахнулся от детей как от назойливых мух, что порой слетаются на еду.

– Оставь их. Скоро сюда прибудет следователь. Он займется трупом и отправит их на все четыре стороны.

Девочки, не в силах даже сдвинуться с места, смотрели, как полицейские тащили под руки бедного Инхвана.

* * *

В лесу было очень тихо. Кёнэ сидела в траве, затаив дыхание, с сачком в руках. Она очень любила такие моменты. Собирать насекомых – тяжелое, но полезное занятие, которое к тому же дает прекрасную возможность вырваться из шума и суеты повседневности. А здесь всегда тихо. Спокойно и безопасно. Возникает приятное ощущение, что в этом мире остался только ты и насекомые.

Для тех, кто изучает насекомых, остров – это настоящий кладёз тайн и сокровищ, ведь он способен сохранить свою уникальную экосистему. Они скрыты повсюду: под землей, в трещинах коры деревьев, на камнях. Они кусаются, жалят, роют туннели, откладывают яйца, охотятся. Именно ради них Кёнэ приехала на этот остров и проводит тут время, ползая в траве, в непонятных позах, все свое время. После дождя резко похолодало, и, может быть, сегодня тот самый последний день, когда еще можно собрать несколько экземпляров для коллекции. С наступлением зимы придется вернуться в Кёнсон и приступить к анализу собранного материала.

Вдруг навстречу вылетела пчелка, разрезая крыльями холодный воздух. Ее красивое полосатое брюшко смотрелось ярким драгоценным камнем в лучах уходящего солнца. Кёнэ ни разу не встречала такой вид пчел в Америке. Пчелы, в отличие от других насекомых, заботятся о своем потомстве, строят для них дом и охраняют его. Нашей пчелке не суждено было совершить свой обратный полет. Кёнэ в мгновение ока взмахнула сачком и поймала ее. И пока та не опомнилась, быстро отправила желтую красавицу в стеклянную банку. Было слышно, как дрожат за толстым прозрачным стеклом ее крылья. Кёнэ положила заветную емкость в специальную сумку, достала из-за пазухи блокнот и сделала несколько записей.

– Госпожа! Госпожа, подождите! – услышала она за спиной и обернулась на крик.

Перед ней с раскрасневшимся лицом стояла Окхва. Она задыхалась и крепко держала за руку подругу. Судя по их внешнему виду, они больше часа бродили по лесу. Кёнэ посмотрела на испачканные землей и глиной красивые туфли, когда-то купленные по случаю в городе. Окхва их обожала и носила очень аккуратно. Если предстояло много ходить пешком или выезжать за город, в ход шла обычная повседневная обувь: традиционные резиновые тапочки кому-син с заостренным, чуть приподнятым носком или плетенные из соломы традиционные корейские сандалии чипсин. На сегодня таких планов не было.

Кёнэ положила обратно блокнот и ручку, приготовившись выслушать рассказ девочек. Обе едва сдерживались, чтобы не расплакаться.

– Что случилось? И кто эта девочка?

– Это Сорэ. Она живет в доме напротив. Но речь не о ней. Инхвана забрали в полицию.

Когда Окхва говорила «напротив», то имела в виду комнату, которую снимала Кёнэ, проживая здесь на острове. Хозяйка дома, старушка Хван, выглядела намного старше своих лет. Первое время для нее было ужасно непривычно видеть свою постоялицу в брюках, гоняющуюся по горам за насекомыми, но со временем она перестала обращать на это внимание и жила своей жизнью, как будто и не было никого постороннего в доме.

Окхва очень нервничала, переполняемая эмоциями, что очень мешало Кёнэ понять, кто такой Инхван и почему он в полиции.

– Послушай! Тебе надо успокоиться. Выдохни и расскажи все по порядку. Начни с самого главного.

Перепуганная девочка отдышалась и, крепко сжимая руку в кулак, начала говорить:

– Я шла к вам навстречу вместе с ребятами, Инхваном и Сорэ, вверх по склону. На той же дороге мы неожиданно обнаружили труп мужчины. Было очень страшно, и мы остановились. Но тут откуда ни возьмись появились полицейские и забрали Инхвана.

– Молодец! Я все поняла. Вы узнали погибшего? И почему Инхван оказался в полиции? Но самое главное – кто такой этот Инхван?

– Я не знаю погибшего. Только слышала в разговоре полицейских, что Инхвана забрали, чтобы он не предупредил старшего брата и тот не сбежал. А сам Инхван – это деревенский мальчишка. Я с ним сегодня в первый раз встретилась.

– Можно я тоже расскажу, что знаю? – вмешалась в разговор Сорэ.

Кёнэ понимала, что Окхва очень напугана и вряд ли сможет что-то еще добавить, поэтому разрешила незнакомой девочке, которая намного лучше знала жизнь острова, присоединиться к их разговору. Вот что удалось вывести из ее рассказа.

Сорэ сразу узнала погибшего. Конечно, это было непросто, учитывая мертвенно-бледный цвет кожи и ползающих по трупу личинок. Но жителей деревни можно пересчитать по пальцам, поэтому все друг друга хорошо знали. Погибшим оказался вдовец Ким, который жил в северной части острова. Репутация у него была не лучшая, и все знали, что он обычный трепач и пустозвон. Мало того, что он должен был денег половине деревни, так еще и напивался каждый день до чертиков, а потом бродил по деревне и вел себя неадекватно.

Полная противоположность старшего брата Инхвана. Он был добрый, вел правильный образ жизни и у окружающих снискал только похвалу и уважение. Молодой человек родился на острове, получил образование благодаря поддержке одного из миссионеров и даже нашел хорошую работу, устроившись корреспондентом в редакцию одной из крупнейших газет «Чосон Чунан Ильбо». Работал он тоже с большим старанием и исправно отправлял семье деньги, а раз в год обязательно навещал родителей. Приезжая в родную деревню, привозил подарки для соседских мальчишек и помогал тем, кто оказывался в тяжелой ситуации. Но с выпивкой Кимом отношения у них не заладились. Причиной тому были ужасные оскорбления, которые тот позволил себе в адрес родителей Инхвана и его брата. Все жители деревни, которые видели, в каком состоянии был Ким, в один голос утверждали, что вины молодого человека здесь никакой не было.

Кёнэ внимательно выслушала этот подробный рассказ и добавила с задумчивым видом:

– Полицейские, скорее всего, думают, что именно брат Инхвана убил этого Кима.

– Он не мог. Он очень хороший человек. Даже вчера с дороги, весь больной, сразу отправился поприветствовать родителей, – ответила Сорэ с таким лицом, будто вот-вот заплачет. Но в глазах Кёнэ вместо сочувствия блеснул огонек азарта.

– Пока не важно, хороший он человек или плохой. Когда, говоришь, он приехал? Вчера?

– Да, все верно. Что-то случилось в Кёнсоне, и он приехал сюда поправить здоровье. Корабль прибыл вчера днем.

– Ты знаешь полицейских, которые забрали Инхвана?

Сорэ не поняла, к чему был этот вопрос, и замотала головой. На острове не было полицейского участка, а лишь один почтенного возраста служитель закона – японец, присланный с материка для поддержания порядка. Сорэ знала его в лицо. Но там был второй, очень похожий на старшего по званию, в форме с золотыми пуговицами. Его девочка видела впервые.

– Того, с золотыми пуговицами, я не знаю.

– Хорошо. Так, а который сейчас час?

Кёнэ по привычке стала рыться в кармане, пытаясь найти часы, но потом заметила их на запястье и улыбнулась своей забывчивости. Она все никак не могла привыкнуть к ним, прекрасно сидящим на ее изящной руке. Такие часы были намного удобнее карманных для прогулок по лесу, к тому же мода на них дошла и до Кореи, а девушки с таким странным, по мнению простого обывателя, аксессуаром уже не вызывали неодобрительных взглядов. Постепенно они перешли из числа предметов роскоши в обычную повседневную жизнь.

– У нас есть еще время. Девочки, за мной!

Дорога, по которой они спускались, была узкой и извилистой. Ливни сделали свое дело, и теперь местами идти по ней было очень опасно.

Кёнэ шла впереди и время от времени посматривала на девочек. Окхва шла очень осторожно.

– Госпожа, вы поможете ему? – спросила она, аккуратно ступая шаг за шагом.

– Ты сейчас о ком? Помочь Инхвану? Так он же не подозреваемый. Здесь все понятно. – Кёнэ говорила размеренно.

Сорэ продолжила с недовольным лицом:

– Полицейские пытаются в своих камерах не только подозреваемых. Вы разве об этом не знаете?

– Прекрасно знаю. На этом острове нет полицейского участка. Следовательно, для проведения официальной процедуры допроса арестованного положено отправить на остров Пэн-нёндо⁶. Сегодня, судя по расписанию, после четырех уже ни одно судно в море не выйдет. А из жителей деревни вряд ли кто-то согласится одолжить конвоирам свою лодку, тем более что арестованный – всеми уважаемый достойный молодой человек.

– Так вы поможете или нет?

– Надо встретиться с полицейскими. Но для начала стоит переодеться! – спокойным голосом ответила Кёнэ, демонстрируя запачканные грязью штаны.

Когда они спустились с горы, солнце уже село за горизонт. Маленькая морская деревушка погрузилась в ярко-синие сумерки. Все трое шли на свет маленького ручного фонарика, который достала из сумки Кёнэ. Подойдя к дому, где они вместе с Окхвой снимали комнаты, заметили, что хозяйка на улице о чем-то обеспокоенно разговаривала с какой-то женщиной. Это была мама Сорэ.

Как только она увидела дочь, лицо ее тут же побледнело. Женщина с силой схватила бедную девочку за руку и больно ущипнула.

– Где ты была? Инхван уже дома.

– Дома? – неожиданно вмешалась в разговор Окхва.

– Да. Он дома. А ты кто такая? – окинула ее взглядом мама Сорэ.

– Эта девочка снимает у меня комнату, – ответила хозяйка дома, старушка Хван.

Мама Сорэ не успела даже перевести взгляд на Кёнэ, как дочь схватила ее за руку и выпалила:

– Мам, вот эта госпожа сказала, что поможет брату и ...

Кёнэ прервала фразу со словами:

– Уже поздно. Нам всем лучше разойтись по домам. Прошу прощения за опоздание вашей дочери. Дети вышли меня встречать, но на обратном пути мы задержались, потому что дорогу размыло.

⁶ Один из так называемых пяти северных островов в Желтом море, рядом с которыми проходит Северная разграничительная линия. В настоящее время находится очень близко к границе с Северной Кореей.

Сорэ растерянно наблюдала за происходящим. Кёнэ, словно намекая на их общую тайну, слегка сдвинула плечо девочки и, улыбаясь, подтолкнула ее к матери.

– Окхва, ты тоже заходи в дом. Мы еще успеем поужинать.

Несмотря на попытки Сорэ задержаться еще на какое-то время, мама увела ее за собой. Старушка Хван громко шмыгнула носом на эту дерзкую просьбу постояльцев об ужине, но все же приготовила простые закуски.

– Ешь и иди спать. Я могу задержаться.

Окхва пристально посмотрела на Кёнэ, но вдруг словно пришла в себя и выбежала на улицу. Кёнэ дошла уже до середины двора.

– Госпожа, вы куда?

– Поговорю с полицейскими.

Не успела Кёнэ договорить, как Окхва почти повисла у нее на руке, умоляя:

– Я пойду с вами.

Кёнэ держала в руке фонарик, но в темноте она не могла разглядеть выражение лица подопечной.

– Две головы лучше, чем одна! Ведь правда? – настаивала Окхва, тяжело дыша от волнения.

Тишину прервал голос Кёнэ:

– Ладно, пойдем. Здесь не столица, думаю, тебе можно выходить в такой поздний час.

Полицейского участка на острове не было, не было и гостиниц. До приезда сюда Кёнэ через своих знакомых нашла дом, где можно было снять комнату. Что касается участка, то ближайший был на соседнем острове Пэннёндо, и у тех, кого отправляли сюда следить за порядком, могло и не быть времени на поиски жилья. Поэтому логично было предположить, что вновь прибывший страж порядка остановился у того, кто здесь служит уже давно. Так они оказались у дома, где жил полицейский. Кёнэ громким голосом позвала хозяина. На ее крики вышел молодой мужчина.

– Что надо посреди ночи? – заговорил он по-корейски.

– У нас есть информация о человеке, которого нашли мертвым в лесу.

Уверенный тон девушки заставил мужчину измениться в лице.

– Что? Девушка, полицейское расследование – это вам не шутка. Не говорите ерунды, уходите!

Кёнэ вдруг заговорила на беглом японском, делая вид, что не боится полицейского, не обращая внимания на его разгневанный вид:

– Вы здесь главный?

– Я служу в полиции и направлен сюда для расследования из соответствующего управления, – ответил мужчина на ломаном японском. Похоже, он кореец.

Кёнэ вспомнила, как газеты писали о желании корейцев служить в японской полиции и об экзаменах, которые они сдавали, чтобы попасть на службу.

– Я хочу поговорить с начальником. Меня зовут Хан Кёнэ. Много говорить смысла нет. Просто передайте ему, что я знакома с Танака Такэо.

На этот раз она говорила по-корейски. В этот же момент несколько денежных купюр незаметно оказались в руках полицейского. Но он вдруг начал громко кричать:

– Ты хочешь подкупить полицию Великой японской империи этой ничтожной суммой?

Пересчитав купюры, мужчина замешкался. Кёнэ успокаивающим тоном продолжила разговор:

– Никто не пострадает! Очень вас прошу, помогите...

Через какое-то время на улицу вышел японец, раздраженно потирая переносицу. Он внимательно посмотрел в глаза девушки, а потом на то, как она была одета. Кёнэ успела пере-

одеться, выбрав для встречи с полицейским аккуратное дорогое платье, хотя понимала, что визит будет недолгим.

– Мне передали, что вы знакомы с господином Танака, начальником службы полиции. Это правда?

Вопрос был с нотками предостережения от неправильных ответов.

– Да, можно и так сказать, – ответила Кёэнэ чересчур довольным голосом. – Скорее с ним знакома не я, а мой старший брат. Вот уже несколько лет он занимается производством стали. В этом году на празднование юбилея брат пригласил начальника службы полиции господина Танака. Также в списке почетных гостей были представитель японской фармацевтической компании господин Морияма Мине, директор известного универмага «Хвасин» Пак Хынсик и несколько членов палаты представителей, чьи имена я вам назвать не могу. Не могу сказать, что с начальником полиции мы давние приятели. Все, что нас связывает, – это несколько встреч и пара писем.

Окхва совершенно не понимала всей значимости подтекста, скрытого в названиях должностей, и какую роль они играли на политическом олимпе в период японской оккупации Корейского полуострова. Роль начальника управления, который контролировал работу полиции на всей территории Кореи, масштаб и авторитет компании, на юбилей которой приглашали столь влиятельных чиновников генерал-губернаторства, а также значение слова «сталь» в контексте стратегических интересов страны, находящейся на пороге войны... Но она обратила внимание на внешний вид полицейского и успела заметить, с каким трудом он сдерживал раздражение.

– Чего вы хотите? – спросил мужчина.

– Позвольте взглянуть на тело.

– Если это ради праздного любопытства, то я буду вынужден отказать. Зрелище не из приятных и уж тем более не для богатеньких девушек из приличной семьи.

– Можете думать что угодно. Но перед тем как уехать учиться в Америку, я три года изучала медицину. И сейчас мною движет не праздное любопытство, а желание помочь.

– Офицер Хван, подойдите сюда, – вздохнул с облегчением полицейский и подозвал своего подчиненного.

Полицейские вошли в комнату, переоделись в форму и вышли. На кителе того, кто хорошо говорил по-японски, блестели круглые золотые пуговицы.

В деревне говорили, что у погибшего Кима не было семьи. Он никогда не был женат, родители умерли, а братья уже лет десять как уехали на материк, и связь с ними оборвалась. В этой маленькой деревушке никто не был готов позаботиться об умершем. Тело просто оставили в заброшенном сарае, и теперь оно стало всеобщей головной болью. Оставлять его здесь надолго было нельзя, даже несмотря на прохладную погоду и то, что сам сарай находился в укромном тенистом месте.

Полицейский японец, стоя перед трупом, сделал жест рукой, как бы давая разрешение приступить к работе. Кёэнэ в одной руке держала фонарик, другой убрала ткань, закрывающую лицо покойника. Оно было мертвенно-белым.

Глаза покойного были широко открыты, глазные яблоки изъедены личинками мух. Кёэнэ внимательно рассматривала тело. Через мгновение она протянула руку, чтобы отодвинуть накрывающую его ткань.

– Не трогайте! Мы сняли с него всю одежду, чтобы понять причину смерти.

Кёэнэ подчинилась и опустила руку. Она и сама была рада такому указанию, понимая, что так уберет Окхву от необходимости смотреть на обнаженного мертвого мужчину.

По словам Сорэ, Киму не было и пятидесяти. Но по внешнему виду казалось, что ему уже далеко за шестьдесят. Всем было понятно, что жизнь у него была сложная. Седые растрепанные волосы, перепачканные грязью, широко открытый рот, лицо искажено в какой-то глупой

grimase. По всему телу синяки и ссадины, которые наверняка появились в результате падения. Рука и пальцы сломаны, вмятина в черепе, личинки только на лице – больше на теле их нигде не было.

Кёнэ подняла сломанную руку покойного и внимательно осмотрела. Под грязными ногтями были темные слипшиеся волокна, очень похожие на древовидные корни пуэрарии или похожего растения. Кёнэ опустила руку и достала из-за пазухи блокнот и ручку. Японец скривился, глядя на то, как молодая девушка, подхватив стержнем пера несколько личинок, перенесла их себе в блокнот и рядом с каждым образцом провела черту. Затем она каждую измерила, внимательно осмотрела бледные тельца и вернула их на место. Абсолютно спокойно Кёнэ положила блокнот с ручкой во внутренний карман, наклонилась к трупу и понюхала запах изо рта, не обращая внимания на то, что подумают окружающие.

– При нем были личные вещи?

Полицейский показал в угол сарая, где валялась старая тряпичная котомка с вещами, больше похожая на мусор. Дешевые сигареты, замызганный кусок ткани, используемый вместо носового платка, недопитая бутылка крепкого алкоголя.

– Ну что, уважаемая светило медицины. Вы что-нибудь нашли? – невозмутимо спросил полицейский.

– Я не врач.

– Вы же сами сказали, что изучали медицину?

– Я недоучилась... Но причину смерти сказать могу. Вот она! – Кёнэ указала на вмятину в черепе.

– Как мы предположили, в результате ссоры завязалась драка и погибший получил камнем по голове.

– Но такая травма может возникнуть и в результате падения. Почему вы решили, что это не несчастный случай?

– У нас есть свидетель, который видел все своими глазами.

Кёнэ округлила глаза, демонстрируя интерес к услышанному.

– Свидетель? Кто он?

– Офицер Хосои Хадзиме. Он командирован сюда следить за порядком. Единственный полицейский на острове.

– Позвольте поговорить с ним.

– Уже глубокая ночь, – грубо ответил старший инспектор.

– Я, наверное, выгляжу в ваших глазах легкомысленной и даже подозрительной, но я даю слово: если позволите мне встретиться с офицером, утром уже будете знать всю правду по делу и завтра сможете покинуть остров.

По реакции японца можно было предположить, что либо он поверил этой чудачке, либо не мог противостоять ее напору. Он приказал охранять этих двоих, хотя точнее будет сказать троих, включая покойника, и ушел. Вскоре вернулся с офицером Хосои, тоже японцем в возрасте с признаками облысения. Войдя в сарай, офицер поздоровался с Кёнэ и спросил:

– Итак, о чем вы хотели меня спросить?

Офицер был крайне вежлив, что придавало ситуации странное настроение. Обычно офицеры так себя не вели, если их собеседник был корейцем. Японские полицейские даже самого низкого ранга всегда чувствовали превосходство над каждым, будь то хоть сам начальник уездного города. Кёнэ, сдерживая эмоции, ответила, делая вид, что не в первый раз встречает обходительного стража порядка:

– Я слышала, что вы видели происшествие своими глазами.

– Не происшествие, а преступление.

С улыбкой на лице офицер поправил девушку в выборе терминов, оценив при этом ее внешний вид.

– Вы, похоже, долго жили за границей!

Кёнэ лишь пожала плечами в ответ и произнесла:

– Господин офицер, вы можете рассказать все, что видели?

– Нет причин скрывать что-то от вас, – улынулся в ответ полицейский. – Это произошло вчера ночью. Мне не спалось. Я оделся и вышел на улицу. Тем более от моряков с китобойной компании я слышал, что ночью здесь стало небезопасно. Дождь как раз закончился, и я понимал, что дороги наверняка размыты, но решил все же сделать обход.

Знаете вы или нет, я не местный, но живу здесь давно. В Корее уже двадцать лет, а в этой деревушке – восемь. Я знаю все тропы, которыми пользуются местные жители. На одной из них и услышал странный звук, доносящийся откуда-то снизу. Сначала подумал, что это какое-то животное. Но звери не спускаются туда, где ходят люди. Посветил фонариком на место, откуда доносился звук, и увидел бледное лицо мужчины. Я узнал его. Это был Со Чжеха. Я знал, что он живет в Кёнсоне, но не удивился, когда услышал, что он вернулся домой, прибыв на судне с острова Пэннёндо. Ситуация мне показалась подозрительной, поэтому я достал ручку и блокнот, чтобы все записать. Я не сводил глаз с мужчины. Спросил, что он там делает и приказал не двигаться. В этот момент он напал на меня.

Офицер прервал рассказ, поднял рукав и показал фиолетовый синяк на левой руке.

– Он выше меня и сильнее. Ему всего двадцать пять. А еще при нем была лопата. Я уже давно в полиции, но не сообразил сразу, как избежать удара. И пока я катился по склону, нападавший успел скрыться. Потом уже, когда пытался подняться, увидел белые зрачки с этими ужасными личинками и от неожиданности закричал. Труп человека с пробитым затылком, наполовину прикопан землей. Сразу понятно, что Со Чжеха делал ночью в лесу. Он пытался закопать труп.

При слове «труп» офицер указал на тело покойного Кима.

– Как только я опознал убитого, стало понятно, что здесь произошло. Не секрет, что погибший был в плохих отношениях с семьей Со. Этого никто не знает, но он занял у них большую сумму денег и, как обычно, отдавать не собирался. И как только глава семейства попросил вернуть хотя бы часть денег, потому что они очень понадобились, все это и случилось. Ким сам пришел к ним в дом, нагрубил хозяйке, используя самые отборные ругательства, и разбил глиняные горшки, где хранились соусы и соленья. Это произошло буквально месяц назад. Сказать, что у них были плохие отношения, – это не сказать ничего. И Со встречался с должником, скорее всего, как раз по этому вопросу. Весьма вероятно, что перепалка перешла в драку. Я бы не смог задержать преступника в одиночку, поэтому попросил прислать подкрепление из управления полиции острова Пэннёндо. Спасибо им, что быстро отреагировали. И мы вместе с прибывшими полицейскими арестовали подозреваемого. В сарае рядом с домом мы нашли ту самую лопату со следами крови. Подозреваемый пытался доказать, что тогда встречался с кем-то, но все это сплошная ложь. Есть люди, которые видели, как он, переполняемый гневом, шел на встречу с Кимом. Это все.

– Вот это да!

Офицер махнул рукой, как бы отказываясь от похвалы, но она была ему приятна.

– А вы можете показать мне блокнот, в котором делали те записи? Это же часть вашего обмундирования?

– Нет, это моя личная вещь. Вот, возьмите.

Полицейский достал из кармана черный блокнот. Кёнэ тут же его открыла и прочитала последние записи. Несколько слов на японском черными чернилами:

Со Чжеха (25 лет. Странное поведение, 18 числа, в 8 часов.

На другой строчке надпись гласила:

*Нападение, неподчинение, побег. Труп – Ким Чхангын (52 года).
Убийство?*

Начало записи было сделано аккуратным почерком, чего нельзя было сказать об остальной части текста.

– А почему такая разница? Небрежно написанные иероглифы все растеклись по бумаге от воды.

– Сначала я просто наблюдал и записывал, что делал Со. А потом, уже после падения от удара, я пытался собраться с мыслями. Руки дрожали, и я не мог писать, – ответил офицер с улыбкой.

Беседа закончилась, время близилось к рассвету. Дул прохладный ветерок. Кёнэ захотела поговорить с инспектором управления. Как только она попросила остальных удалиться, мужчины вышли на улицу и закурили. Окхва осторожно закрыла дверь сарая. Они остались втроем: Кёнэ, инспектор и покойный. Хотя нет, Окхва тоже осталась внутри. Но никто на это не обратил внимания.

– Есть еще один вопрос, который не дает мне покоя. Что в полиции делают с теми, кто предоставляет заранее лживую информацию вышестоящему руководству?

– Вы спрашиваете очевидные вещи. Разумеется, за это предполагается определенный вид наказания.

– Значит, я тоже не могу заведомо лгать. Мне кажется, надо отпустить арестованного Со. Ким не жертва убийства, он просто подвернул ногу.

После этих слов инспектор, вместо того чтобы разозлиться или просто проигнорировать мнение незнакомой ему девчонки, принялся нервно тереть золотые пуговицы на кителе.

– Я где-то слышал ваше имя.

– Вы интересуетесь энтомологией?

– Нет, но я жил в Токио семь лет назад. А вы – та самая девочка из истории с красноногими жуками.

Лицо Кёнэ застыло от удивления. Инспектор продолжал разглядывать ее и никак не смутился этой реакцией. Он прищурился и сказал:

– Говорили, что благодаря вашему вмешательству все причастные к тому делу полицейские, включая начальника управления, оказались в очень неприятном положении. Но я думаю иначе.

– Я не имею никакого отношения к тому делу.

– В подобных случаях скромность не украшает. Объясните мне, почему вы думаете, что он просто подвернул ногу. Я внимательно слушаю.

История с красноногими жуками получила такое название и огласку стараниями одного неопытного журналиста. И у инспектора было неправильное понимание того, что там произошло. Кёнэ тогда была очень глупа и наивна. И вся та ситуация была не более чем недоразумением. Но объяснять это сейчас было бесполезной тратой времени. Японцы, а особенно представители мужского пола, да еще и полицейские, не любят, когда нарушают очерченные ими границы. Кёнэ показала пальцем на труп и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.